

УДК 94(100) „1918“: 327.5(476:438)

«Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня»: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г.

А. М. КРОТОВ

В статье рассказывается о возникновении белорусско-польского конфликта в 1918 г. Главной его причиной названы экспансионистские устремления Польши в отношении Беларуси, а также её пренебрежение к национальным интересам белорусского народа.

Ключевые слова: Беларусь, Польша, межнациональный конфликт, общественное мнение, оккупация.

The article narrates about the origin of Belarusian-Polish conflict in 1918. Its main reason is named expansion aspirations of Poland in respect of Belarus, as well as its contempt to national interests of Belarusian folk.

Keywords: Belarus, Poland, national conflict, public opinion, occupation.

Так уж случилось, что тема белорусско-польского межнационального конфликта растворяется в другой, более широкой теме – польско-советской войны 1919–1920 гг., и выпадает, тем самым, из поля специального интереса исследователей. Между тем, представляется очевидной важность научного изучения этого конфликта, ибо в нём впервые за всю историю белорусско-польских отношений белорусский народ выступил как самостоятельный участник исторического процесса. В его лице поляки столкнулись не с «этнографической массой», подлежащей ассимиляции, не с «тутэйшыми», о которых с покровительственным умилением писали польские авторы, изображая пасторальные картины бытия на белорусско-литовских кресах, а с молодой, пускай ещё и не вполне сложившейся европейской нацией, устами лучших своих представителей заявлявшей о твёрдом намерении создать собственное независимое государство и занять достойное место в послевоенной Европе.

В эпоху развала империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской), когда воплощались вековые чаяния многих народов на обретение или восстановление собственной государственности, и у белорусов появился, казалось бы, реальный шанс создать собственное государство. Но во время польско-советской войны, в которой вновь проявило себя многовековое противостояние России и Польши, хотя и принявшее, по крайней мере, со стороны России новые идеологические формы, этот шанс был утрачен. Вновь столкнувшиеся на белорусском геополитическом поле давние враги, старые хозяева белорусских земель и вершители судьбы белорусского народа, не проявляли склонности к уважению его национально-политических интересов в текущий исторический момент и обошлись без учёта последних при заключении Рижского мирного договора в марте 1921 г.

В то же время, ради справедливости следует отметить, что белорусы в большинстве своём ещё были далеки от решения (и даже понимания) тех задач, которые ставила перед ними история. Мечты о независимом белорусском государстве были мечтами небольшой группы белорусских политиков и деятелей культуры, зарождавшейся национальной элиты, которая, возможно, и оказалась бы способной привести в жизнь белорусского народа обновленческие тенденции, если бы не стечение неблагоприятных внешних факторов.

Очевидно, что и после провозглашения 9 марта 1918 г. Белорусской Народной Республики, подавляющее число белорусов находилось вне активной борьбы за независимую Беларусь. Это, в конечном счёте, во многом и обусловило политическое поражение БНР. Но российские большевики, поняв, что идея создания белорусского государства, однажды появившись на свет, не будет забыта, решили взять инициативу в свои руки, и попытались подчинить её своим интересам. ЦК РКП (б) принял решение об образовании Белорусской Советской Социалистической Республики, а 1 января 1919 г. она была провозглашена официально. Факт её провозглашения

являлся тактическим маневром российских большевиков – сторонников унитарного коммунистического государства. Очередным таким маневром, предпринятым уже в ходе польско-советской войны, стало провозглашение Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики в феврале 1919 г.

Нельзя не отметить, что, в отличие от советской России, всё-таки затеявшей игру в строительство белорусского государства, Польша от каких-либо проектов, способствующих материализации идеи создания белорусского национального государства, в конечном счёте, отказалась вообще. Присоединения к Польше белорусских (и украинских) земель стали добиваться все её политические силы без исключения и обосновывали его «историческим правом». Это «право», в свою очередь, поляки объясняли следующими аргументами: культурным капиталом, который вкладывался сюда на протяжении столетий; присутствием польского элемента, от которого нельзя было отречься; тем, что Польша пролила за Беларусь много крови и, наконец, заинтересованностью костёла [1]. Правда, между Пилсудским и эндецией существовали противоречия о характере включения этих земель в состав Польского государства. Эндеция во главе с Р. Дмовским в основу определения границ ставила исторический принцип (восстановление с частичными изменениями границ 1772 г.) и стремилась к прямой инкорпорации этих земель [2]. Пилсудский был настроен менее жёстко. Он предлагал планы создания в Восточной Европе широкой федерации государств под гегемонией Польши. В первом – так называемом «большом» – предусматривался антибольшевистский союз всех национальностей бывшей царской империи, с перспективой свободного самоопределения каждой из них по окончании войны. В другом – так называемом «малом» плане – предусматривался раздел спорных территорий между Польшей и Россией на основе плебисцита, проведённого под международным контролем. В «большом» плане Пилсудский давал белорусам шанс на самоопределение, независимо от скептицизма, с которым он относился к их государственным способностям. В «малом» – считал целесообразным поддержку белорусизма, однако только на территории Минщины, как средства предохранения против России. Он говорил: «В так называемой Беларуси будет или польскость, или российскость. Всякая поддержка белорусизма искусственно его создаёт, однако мы не сможем дать ему этим силу. Потому, в целях победы над российскими влияниями, с ним надо маневрировать» [3]. Какое-то время Пилсудский не отдавал предпочтения ни одному из своих планов. А потом он и вовсе от них отказался – в конце 1920 г. у него укоренилось убеждение, что белорусские политики не представляют серьёзного политического партнёра и потому на них можно вообще не обращать внимания [3].

Белорусские «незалежники», чьи политические амбиции сильно пострадали от действий большевиков, попытались поверить в добрые намерения Польши, но очень быстро в них разочаровались. Польские политики сделали всё для того, чтобы превратить деятелей БНР в их отношении к Польше в реалистов. Не последнюю очередь в этом сыграло и поведение поляков на белорусских землях.

Анализируя ситуацию, в которой в массах белорусского населения стал формироваться негативный образ поляка, нельзя забывать, что поляки всегда считали Беларусь частью Польши, и потому притязания белорусов на независимость вызывали во всех кругах польского общества настороженность, быстро перерастающую в национальную неприязнь. Ещё в мае 1916 г. в польской печати высказывалось следующее мнение: «Будет ли белорусская нация ... в отношении к нам, полякам, такой же борющейся, как украинцы и литовцы, – не будем гадать. Мы имеем ... достаточно времени, чтобы найти в этом народе в отношении себя благожелательность через культурное с ним сотрудничество. Движение это следует изучать честно и без предубеждений» [4]. Но уже через полтора года газета «Nowa Reforma», обращаясь к этой теме, констатировала не без тревоги, что возрождающийся к новой жизни белорусский народ, «впервые заявляет, что является... господином и хозяином той земли, которую поляки издавна называли Польшей» [5]. В середине января 1918 г. газета „Godzina Polski” писала о Вильно и о белорусско-литовских кресах: «Отторжение этого польского очага от воскресшего государства стало бы ударом в самое сердце народа. Именно так, а не иначе ощутил бы это весь польский народ. Именно на этом ощущении в дальнейшем строились бы его политические устремления» [6].

Даже слабая поддержка белорусского национального движения внешней силой – командованием германских оккупационных войск – вынуждала поляков проявлять в отношении его серьёзную настороженность и видеть в нём потенциальную угрозу делу восстановления польского господства на креслах. Газета «Narzęd», например, писала: «Издаваемая через Ober-Ost белорусская газета «Гоман» (выходила с 15.02.1916 г. до конца 1918 г. в Вильно на белорусском языке с разрешения германских оккупационных властей и пропагандировала «незалежницькие» идеи – А.К.) проводит острую антипольскую агитацию. «Гоман» убеждает читателей, что независимая Польша – государство «панско-шляхетское», что Временное правительство является «панским правительством», а литовские поляки – это «приблуды и всякого рода самозванцы». Местных (кресовых. – А.К.) поляков «Гоман» характеризует как охваченных бешеным национализмом, а всякие разговоры об объединении Литвы и Польши трактует, как «позор», «бесстыдство», «предательство» [7].

Расчеты поляков на то, что белорусский народ – «тёмный, несознательный, неграмотный, не имеющий понятия, что такое «национальность», «национальная борьба», «национальное сознание», ... который заботится лишь о том, чтобы хорошо жить, потреблять и потому не думает ни о каком ином деле» [8], останется и в текущий исторический момент, как это не раз было в прошлом, в стороне от решения судьбы своего отечества и своей собственной, не оправдались. Насколько не совпадали позиции сторон, свидетельствует заочная полемика «Dziennika Poznańskiego» и «Гомана». Так, например, «Dziennik Poznański» заявил, имея в виду пассивность и малую значимость белорусов в обустройстве кресов, что «в Беларуси имеются условия для жизни, но благодаря иным национальностям, её населяющим» [8]. «Гоман», в свою очередь, заключает: «Польский народ относится к нам не как «сестра» к «брату», а как «волк» к «овце». И если теперь Польша, в значительной мере силами наших людей, добыла свободу..., то вместо благодарности не только ни разу не попыталась нам помочь, но, ещё даже не успев организовать, как следует, хочет прибрать наш край под своё шляхетское владычество. Этим она предала не только этот край, но и шумно воспетый польский демократизм – «за нашу и вашу волю». Неудивительно, что наш демократический народ отвернулся от такой «сестры» [7].

«Гоман» не стремился выдавать желаемое за действительное. Он лишь констатировал те разительные перемены, которые произошли за 1918 г. в отношении белорусов к Польше и полякам, заявил о том, что уже появилась эмоционально-психологическая основа для негативного и даже враждебного восприятия ими поляков и так называемой „польскости”.

Видели это и сами поляки. Газета „Głos Narodu”, например, отмечала: „Отношение белорусского населения к польским хозяевам недоброжелательное, а вернее плохое. Ухудшилось оно ещё и по причине образования польского корпуса на Беларуси и вследствие желания получить компенсации за опустошения, произведенные в польских имениях белорусами” [9]. Газета имела в виду 1-й польский корпус под командованием ген. Довбор-Мусницкого, сформированный в июле 1917 г. на русско-германском фронте с согласия русских военных властей, и который в первой половине 1918 г. действовал на территории Беларуси (в районе Рогачёв – Жлобин – Бобруйск – Минск) против советских войск – сначала самостоятельно, а затем под началом германского командования.

Деятелей БНР очень беспокоило то обстоятельство, что в условиях германской оккупации и при поддержке оккупационного командования (на которую они сами, между прочим, рассчитывали) на территории Беларуси действует польское военное формирование, ставившее перед собой цели и задачи, противоречащие интересам белорусского народа и, прежде всего, осуществлению его национально-освободительных устремлений [10, с. 2].

27 августа 1918 г., после поражения на Западном фронте, Германия подписала дополнение к Брестскому мирному договору, предусматривающее досрочную эвакуацию немецких войск с территории между Днепром и Березиной. Учитывая активность поляков и большевиков, можно было не сомневаться, что они, конкурируя между собой, постараются заполнить образующийся вакуум власти. Ситуация неуклонно развивалась в сторону конфликта.

Газета „Czas” в это время писала: „Новость, что немецкие войска должны оставить восточные поветы Белой Руси, вызвала среди местных крестьян брожение, которое привело к кровавым беспорядкам» [11]. Для подтверждения своих слов она приводит жуткую цитату из

„Kurjera Polskiego”: „На пограничье Минской и Могилевской губерний темная толпа, рекрутированная из местных политизированных крестьян, напала на фольварк, принадлежащий пану Камеровскому, убила хозяина и гостившего там художника Якубантиса. Затем (напавшие – А.К.) отрубили своим жертвам головы, а окровавленные туловища усадили возле стола, поставив перед каждым тарелку с его головой. Никому... не разрешали похоронить мёртвые тела” [11]. Далее, развивая тему, „Czas” сообщает: „Оргия ненависти и уничтожения гораздо шире, чем доносят слухи. Она начинает сотрясать край. Один двор за другим делается жертвой огня. С каждым днём растёт число жертв, принявших мученическую смерть от рук убийц... (называются имена погибших поляков – А.К.)” [11].

Газета „Naprzód” сообщала новые подробности о происходившем в эти дни: „Как только слухи об уходе немцев из Белой Руси дошли до крестьян, тут же начались убийства и грабежи. Крестьяне Борисовского повета (Минская губерния) и Сенненского (Могилёвская губерния) напали на имения Лисичин и Хоминьских, разграбили всё дочиства, постройки сожгли, а хозяев в Лисичине и проводивших там время гостей в количестве 9 человек, надругавшись сначала над женщинами, убили одним и тем же способом – отрубили головы” [12].

Процесс ухудшения белорусско-польских отношений ускорился в первой половине ноября 1918 г. Его катализировали события, буквально окрылившие поляков: революция в Германии, подписание германским командованием акта о капитуляции в Компьене, передача Регентским советом власти Пилсудскому и восстановление независимости Польши.

Мобилизация общественного мнения Польши в защиту польского населения и польских интересов в Беларуси, проводившаяся в предшествующие месяцы, приняла гораздо более активный характер – предстояла борьба за Беларусь с большевистской Россией, в которой интересы самих белорусов не брались в расчёт.

„Kurier Lwowski” вносит новую лепту в возбуждение в польских массах вражды к белорусам: “В Сенненском и Борисовском поветах... все имения разграблены и уничтожены в течение двух дней. Кто из жителей смог, бежал в Минск. Кто не смог убежать, был убит самыми гнусными способами. Так, например, у хозяев имения Дудары вырезали кожу с мясом на зашейке, а рану засыпали солью. Раненых и покалеченных... топили в пруду, добивали ногами или разрывали на куски... (Поляки – А.К.) обратились за помощью к немцам, но те отказали. Только через несколько дней пришли два эскадрона гусар, которые ... сожгли дотла 17 деревень и арестовали крестьян. За три дня суды в Бобрах и Борисове приговорили к смерти свыше 200 крестьян” [13].

В нагнетавшейся в польской прессе антибелорусской истерии утонули трезвые голоса, которые раздавались в ней годом ранее и призывавшие при анализе событий на креслах учитывать, что во внутренних губерниях России подобных злодейств было несравнимо больше. Так, например, „Dziennik Miński”, рассказывая о самовольных вырубках леса белорусскими крестьянами (тема вырубки леса преобладает в большинстве воспоминаний о революционных событиях в Беларуси – А.К.), заключал: „Люди уничтожают лес без всякого плана, среди бела дня, считая, что это совершенно естественно. Это общая болезнь. И надо быть очень довольным, что здесь не происходит того, что в Центральной России, ...где насилия, поджоги, убийства являются обычным делом” [14].

Но поляков, теперь, видимо, совершенно не заботило то, что происходило где-то там, в России. Их интересовало будущее кресов, точнее – своё будущее на креслах. Они внушали себе, что в данный исторический момент именно им, а не кому-то, придётся взять на себя ответственность за судьбу Беларуси и сделать всё возможное, чтобы не допустить её выпадения из сферы польских национальных и государственных интересов. Ну а карательные акции немцев служили своеобразным «мастер-классом» для тех, кому предстояло после их ухода «спасать» Европу от «большевистской заразы».

На фоне эвакуации немецких войск с территории Беларуси меняется и тон польских изданий. Газета „Czas” ответственно заявляет: „Польскость, которую не сумели задушить Новосильцев, Муравьёв, Коханов, Клигенберг и другие преследователи нашего народа, гибнет сегодня от рук диких большевистских орд. В Лепельском и Сенненском поветах, в которых эвакуация (немцев – А.К.) закончилась, ...поляки всех слоёв уничтожаются самыми зверскими

способами: им отрезают уши и носы, сажают на кол, закапывают живьём, а тех, кому даруют жизнь, отвозят в специально созданные для этих целей концентрационные лагеря, в которых несчастных ждёт новая опасность убийств и насилий. Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня. Так гибнут поляки, гибнет национальная собственность» [15].

”Dziennik Poznański” публикует обращение представителей польского кресового совета в Беларуси Леона Лубеньского и Эдмунда Ивашкевича к Регентскому Совету, доживавшему свои последние дни: ”В мучительнейших страданиях в умах и сердцах наших рождается вопрос, с которым к тебе, наша Наивысшая Национальная Власть – Наидостойнейший Регентский Совет, обращаем надежды наши! В эту историческую минуту, которая принесла польскому народу удовлетворение всех обид, причинённых Польше тремя её разделами, в момент реституции государственных прав Речи Посполитой Польской – Ты единственная, в силу исторических прав, уполномочена стать в защиту ставших жертвой анархии кресов. К тебе тянутся руки польского кресового населения с уверенностью, что сделаешь всё, что в твоих силах, чтобы защитить кресы от убийств, пожаров и уничтожения. Так как мы уполномочены говорить от имени польского населения восточных кресов, то считаем своим долгом заявить, что мысли и надежды наши в равной мере разделяются широкими массами населения кресов, которые в согласии и порядке, в спокойном и упорном труде видят основы прогресса, культуры и благополучия края” [16].

Данный факт свидетельствует о том, насколько тревожной была атмосфера на кресах. Польский этнический элемент, удельный вес которого был довольно велик, имевший к тому же достаточно высокий социально-экономический статус и развитый уровень национального самосознания, не желал сидеть «сложая руки» и ждать, когда его положение ещё больше ухудшится в результате возвращения на «его кресы» русских, да ещё к тому же и русских-большевиков. Ситуацию, когда власть пришлось бы оспаривать у белорусов, польские кресовые политики всерьёз рассматривать не желали – слишком невероятным это казалось. Хотя факт существования белорусского национального движения, пусть и не такого развитого, например, как украинское, не лишней раз напоминал им о недопустимости каких бы то ни было проявлений нерешительности или толерантности в отношении его.

Ещё в феврале 1918 г. в Люблине для обороны польских интересов на «кресах восточных» была создана такая общественно-политическая организация, как Стража Кресова (Straż Kresowa, с 21.09.1920 её официальное название – Towarzystwo Strazy Kresowej, TSK). Возникла она в связи с передачей германской военной администрацией Украине территории Хелмщины. Тот факт, что первый статут TSK был утверждён в Люблине австрийскими военными властями, сам по себе о многом говорит. На самом деле интересы и сфера деятельности Стражи Кресовой были куда шире: «Защита Хелмщины и Подляшья от угрожающих последствий Брестского трактата, содействие развитию польской культуры и польских влияний на кресах, а также на территориях, находящихся к востоку от границ польского государства, для тесного единения с Польшей территорий, культурно и экономически к ней тяготеющих» [17]. В данной статье не рассматривается дальнейшая эволюция Стражи Кресовой, хотя нельзя не отметить, что основные её тенденции проявились уже в 1918 г., и, прежде всего, превращение TSK в орудие правительственной политики полонизации. Учитывая сложность исторического момента и непростые отношения с местным непольским населением, весьма заметной в деятельности TSK становится военно-патриотическая составляющая – её стараниями создаются отряды «самообороны», ведётся активная пропагандистская работа.

Осенью 1918 г. Литовской комиссией в Варшаве и Польским народным советом белорусских земель (такие советы создавались при содействии TSK – А.К.) был организован Комитет обороны кресов. Действовал он, главным образом, на территории Новогрудчины [18]. Главным результатом его работы стало создание Литовско-Белорусской дивизии, командир которой, ген. Л. Желиговский, в октябре 1920 г. по приказу Пилсудского инсценировал бунт и захватил Виленщину [19, 20, 21].

Тревожные опасения в отношении Польши и её кресовых намерений в конце 1918 г. стали высказывать некоторые белорусские политики и публицисты. Например, Константин Езовитов (деятель Белорусской партии социалистов-федералистов) в изданной им в 1919 г.

книге «Белорусы и поляки» писал: «Уже с первых дней Великой Российской революции, как только стало возможно открыто выступать на митингах и собраниях, красивая скорлупа лживых польских фраз раскололась и обнажила чёрный «орешек» их недвусмысленных намерений. Ораторы всех партий и направлений единодушно закричали о «великой Польше» в границах 1772 г.; о беспросветной темноте белорусов, литовцев и украинцев; о необходимости для них стать под «штандрт» белого орла; о польской народности и интересах на «кресах восточных»... и о присоединении их к Польше. Пресса и широкие общественные круги подхватили этот шовинистический вопль» [22, с. 17].

Автор изданной в 1921 г. в Белостоке брошюры «Наша крыўда», опираясь на последний опыт белорусско-польских отношений (с 1918 г. – исключительно негативный), с болью заявил: «Со стороны Польши идёт один обман, одно предательство, одно злодейство. Ещё никто и никому в мире не сделал столько несчастий и обид, сколько причинила белорусскому народу Польша. За всё время нашей соседской и совместной жизни мы видели и видим со стороны Польши одну клевету на наш народ, одно издевательство, одни пытки» [23, с. 4–5].

Итак, 1918 г. стал печальной вехой в белорусско-польских отношениях. За этот год произошло то, чего не могли добиться российские власти за предшествующие полтора века – эти отношения из добрососедских трансформировались в неприязненные и даже враждебные. Главным виновником разгоревшегося конфликта следует признать Польшу, которая в новых исторических условиях попыталась реанимировать Речь Посполитую. Но если Первая Речь Посполитая была добровольным союзом народов, то во Вторую поляки стала сгонять эти народы силой. Белорусские „незалежники” не смогли вовремя распознать истинные намерения Польши и надеялись, что возрождённое польское государство вступит на политическую арену как союзник и защитник белорусов. Но, как оказалось, поляки благородством себя обременять не стали и польстились на «лёгкую добычу». А. Цвикевиц писал: «Польша была для нас примером – «распятая на кресте» – была старшим братом в трудной борьбе, придавала сил и веры. Мы имели надежду, что вместе с её свободой придёт также свобода и для нашего народа. И что вышло? Пришла свобода, пришла революция, возродилась Польша и ... начала гулять по телу Беларуси польская нагайка... Хуже всего то, что случилось это так неожиданно» [24, с. 61]. Пока же белорусские политики определялись с мнением и искали более или менее корректную форму его выражения, экстремистские силы начали действовать. И хотя у этой борьбы была, конечно же, своя социальная подоплёка, польская пропаганда сделала всё, чтобы представить её в гораздо более выгодной правящим кругам Польши и понятной польской общественности версии национального противостояния.

Литература

- 1 Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. – Мінск; Вільня; Берлін: Вызваленне, 1921. – 191 с.
- 2 Srebrakowski, A. Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja / A. Srebrakowski. – Wrocław: Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 1993. – 145 s.
- 3 Chojnowski, A. Zasady Białoruskiej polityki Piłsudczyków / A. Chojnowski // Polska – Polacy – mniejszości narodowe. – Wrocław: Ossolineum, 1992. – S. 269–278.
- 4 Sprawa białoruska // Archiwum Akt Nowych (AAN). – Plik 100. – Dział L.B.U. II. Ib. – L. 60/2.
- 5 Bartoszewicz, K. Polskość Białorusi / K. Bartoszewicz // Nowa Reforma. – 1918. – 24 grudnia // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. Ia. – L. 51.
- 6 Wilno (Słowo w sprawie granic Polski) // Godzina Polski. – 1918. – 16 stycznia // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. Ia. – L. 44.
- 7 Antypolska agitacja „Homana” // Wyątek z gazety „Naprzód” – bez daty // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2a. – L. 439/2.
- 8 Białoruś, jej prądy i nadzieje // Dziennik Poznański. – 1918. – 4 sierpnia // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 1c. – L. 382.
- 9 Na Białorusi // Głos Narodu. – 1918. – 24 sierpnia // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2b. – L. 484.

- 10 Łuckiewicz, A. Polska okupacja na Białorusi / A. Łuckiewicz. – Wilno: Drukarnia Kooperacyjnego Stowarzyszenia „Druk”, 1920. – 19 s.
- 11 Rzeze na Białorusi // Czas. – 1918. – 20 sierpnia // AAN. – Płik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 262.
- 12 Mordy na Białej Rusi // Naprzód. – 1918. – 21 sierpnia // AAN. – Płik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 266.
- 13 W czadzie krwi // Kurier Lwowski. – 1918. – 3 listopada // AAN. – Płik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 272.
- 14 Ziemiaństwo a rabunki leśne // Dziennik Miński. – 1917. – 1 listopada // AAN. – Płik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 249/2.
- 15 Mord i pożoga na Białorusi // Czas. – 1918. – 28 października // AAN. – Płik 100. – Dział L.B.U. II. 2/2 – L. 280.
- 16 Odezwa // Dziennik Poznański. – 1918. – 23 października // AAN. – Płik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 282.
- 17 AAN. – Teka 70 (Komitet Wykonawczy Towarzystwa Straży Kresowej. Informacje o ziemiach Wschodnich). – L. 75.
- 18 Ibidem. – L. 77
- 19 Вакол авантуры Жэлігоўскага // Савецкая Беларусь 1920. – 30 кастрычніка. – С. 2.
- 20 Вакол авантуры Жэлігоўскага // Савецкая Беларусь 1920. – 31 кастрычніка. – С. 1.
- 21 Вакол авантуры Жэлігоўскага // Савецкая Беларусь 1920. – 2 лістапада. – С. 2.
- 22 Езовитов, К. Белорусы и поляки / К. Езовитов. – Ковно: Изд-во им. Ф. Скорины, 1919. – 124 с.
- 23 Лесавік, В. Наша крыўда / В. Лесавік. – Беласток: Беларускае выдавецтва, 1921. – 16 с.
- 24 Wróbel, P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej i Polska / P. Wróbel. – Warszawa: Wyd-wo Un-tu Warszawskiego, 1990. – 110 s.